

ЗАПИСКИ ЛИТЕРАТУРОВЕДА

В НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЯХ

Почти детективная история...

И, может быть, впервые отчётливо выявившаяся в советской литературе тенденция героизации участия детей в революции, закреплённая в тезисе «ребятишки как бойцы революции», тем более их смерти за счастливое будущее (см. например «Трубку комиссара» И. Эренбурга, «Дни боевые» С. Ауслендера...) подтолкнул читателя к сомнению в силе её правоты.

В постижении глубин подтекстового содержания повести важно обратить внимание и на космический характер пейзажа, взывающий героя к размышлениям об извечном, и в целом на метатекстовый характер её финала: прошедший через века русской литературы образ срубленного дерева как символ человеческой судьбы дважды встаёт перед глазами героя, становящегося свидетелем ещё одной детской жертвы гражданской войны:

«Открыл глаза. Почти рядом, крепко обняв расщеплённый снарядом ствол молоденькой берёзки, сидел Валька Шмаков... Бориска, — долетел до меня его шёпот, — а мы всё-таки заняли.

Заняли, — ответил я тихо.

Тогда он ещё крепче обнял молодую сломанную берёзку, посмотрел на меня спокойной последней улыбкой и тихо уронил голову на вздрогнувший куст».

Несмотря на возведённую в эстетический канон героизацию смерти за революционную идею, ответ которого всё-таки улавливается в «Школе», перебивающим его фактором является явственно прозвучавшая в финале нота грусти, печали, сожаления о безвременно срубленных, как «молоденькая берёзка», жизнях. Несколько позднее, когда утвердился в литературной практике метод социалистического реализма, на такого рода эмоционально-психологические состояния героев будет введён цензурный запрет как на проявление чуждой советскому человеку идеологии пессимизма, и тревожной тональности финала гайдаровской повести предпочтут не заметить...

Страна приступила к реальному осуществлению планов строительства социализма, и в поведении литературных героев восторжествовали настроения бодрости, счастья, веселия, безграничной веры в прекрасное будущее. Образ ребёнка, с его психологией врождённого доверия миру, изначальной незамутнённой сознанием и первоизданностью чувств, как нельзя более отвечал духу наступившего времени.

Но при внимательном чтении и детских книг Гайдара нельзя было не ощущать за внешне мажорным тоном повествования их внутренней идейно-эмоциональной многослойности. «Военная тайна», «Судьба барабанщика», «Голубая чашка», «Тимур и его команда» создавались в знаковые для страны годы — 1937-й, 38-й, 39-й... Грозные раскаты надвигающейся Войны, реальная опасность наступления фашизма во внутреннем фоне проходит через повседневную жизнь героев: страна готовится к отпору...

«Отцы» многих героев несут военную службу; во время прогулки по тихим местам маленькая Светланка и её отец слышат грохот оружейных залпов: идёт «военное учение». Отзвук сурового пограничья доносится до мирного тыла: крохотной девочке у плачущей матери на руках ещё неизвестно, «что её отца недавно убили на границе». И часто мелькает на страницах разных произведений Гайдара тех лет образ бронепоезда, стоящего на запасных путях, но в боевой готовности: «Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия».

Тревожные отклики рокового 37-го года тоже улавливаются в произведениях Гайдара. В какую неведомую даль и с какой целью в рассказе «Чук и Гек» едет с двумя мальчишками женщина в то самое время, в которое отцы в столь отдалённые места ехали не по своей воле? И едва ли случайно автор дважды акцентирует внимание на образе этой особой «отдалённости»: «Вот как далеко занесло нашего папу!» — удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете».

И чем дальше отодвигается от нас время Аркадия Гайдара, тем более заметен и близок нам скрытый план его произведений, тем более интересны и поучительны те живые, неповторимые реалии текущей жизни, которые меньше говорили тогда, чем говорят они нам сегодня.

Л. П. Якимова, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, д. ф. н.

(Окончание. Начало на стр. 3)

Много общаемся с ВИРОм, и когда нужен материал, идём к ним. Ну и сами по мере возможностей помогаем коллегам — времена нынче такие, что отсутствие должного финансирования увеличивает нагрузку на ответственных людей. Должен заметить, что ВИРовская коллекция в сравнении со многими другими генбанками мира не только удобна для пользователя, но и наиболее репрезентативна. Не говоря уже о её потенциальной стоимости: специалисты «Всемирного банка» (the World Bank) оценили её почти в 8 триллионов американских долларов (это сравнимо с ВВП Единой Европы). А всё потому, что собранная со всех уголков мира коллекция, в том числе и пшениц, тщательно изучена, систематизирована и описана: почти у каждого вида есть свой куратор или, по крайней мере, был в лучшие времена.

Классификацию, которую используют западные коллеги, я бы назвал чересчур «экономной». Она создавалась «чистыми» ботаниками, позже её стали использовать многие западные генбанки, когда компьютеры были ещё слабы. Ну а сейчас — по привычке. Там, например, любят все виды тетраплоидных пшениц включать в один «сборный» вид, а значит, есть возможность попросту запутаться в материале. Скажем, приходит посетитель, излагает свою просьбу. А среди сборного вида и польская пшеница (она имеет длинную чешую), и эфиопская (с фиолетовыми зёрнами), и твёрдая, и т.д. И за чистотой такого сборного вида сложно следить. У нас же если написано, что этот вид называется пшеницей польской, то в нём никогда не может быть форм с фиолетовым зёрном или короткой колосовой чешуей. И следить за видовой аутентичностью может даже любой школьник после 10-минутного инструктажа. Как ни странно, неудачную для генбанка классификацию используют и в генбанках Департамента земледелия (Минсельхоза) США.

Тут ведь в чём загвоздка? Непонятно, что потребуется в тот или иной момент. Ещё совсем недавно считалось, что человек если и не победил окончательно, то, по крайней мере, минимизировал потери урожая пшеницы от ржавчинных грибов. Однако чуть более десяти лет назад в Уганде появилась новая раса U99 стеблевой ржавчины и «съела» весь урожай пшеницы без остатка.

Заметим, что это потенциальное естественное (природное) биологическое «оружие» у нас никем не контролируется. При развале СССР в 1990-е гг. развалили и систему специализированных по данной проблеме институтов. А проблема сопоставима с проблемой птичьего гриппа или африканской чумы свиней. Потребовалось пересмотреть всю ВИРовскую коллекцию современных сортов пшениц и коллекции российских региональных селекционных центров, чтобы отыскать ген устойчивости к угандийской расе ржавчины. Отыскали! И безвозмездно через Центр улучшения кукурузы и пшеницы (CIMMYT) передали доноры устойчивости местным селекционерам. В этом году, кстати, исполняется 15 лет работающему под патронажом CIMMYT «КАСИБУ» — некоммерческому со-

глашению, призванному интенсифицировать обмен селекционным материалом между селекционерами Казахстана и Сибири, созданному во время международной конференции, проходившей в нашем институте.

— Теперь, значит, стеблевая ржавчина пшенице не страшна?

— Сказать, что победили её окончательно, не совсем точно. Жизненный цикл ржавчины короче, чем у пшеницы. Она эволюционирует значительно быстрее и через какое-то время может начать «пробивать» ген(ы) устойчивости. Сколько урожая она уже погубила! Борьба с болезнями растений, их прочими многочисленными врагами ведётся постоянно, используются разные приёмы, формы, методы, самые современные методики и достижения. Одних врагов побеждаем, другие, не менее опасные, появляются. В Краснодаре академик Л.А. Беспалова создала целую селекционную индустрию, там устраивают мозаику сортов, своеобразный конкурс генов устойчивости для местных рас патогенных грибов. И как что-то им только начинает нравиться, такой сорт сразу выводит из производства и заменяется новым, который им «не по зубам». Генетики всего мира стараются восполнять «дефицит» новых генов устойчивости, заимствуя у сородичей. Мы тоже не можем стоять в стороне.

Постоянно возникают новые задачи. Один из сотрудников моего сектора д. б. н. А.А. Коналов совместно с коллегами из Новосибирского института органической химии СО РАН изучает полиморфизм ферментов, контролирующих процесс лигнификации тканей злаков, изменяющих у них механические свойства стеблей. Мутанты можно использовать в селекции на неполегаемость, а стебли (солону) — как возобновляемые источники различных ресурсов, как материалами (в основном, вискозное волокно), так и энергетическими (биотопливо). Так что проблем у нас, генетиков, немало. Приходят к нам селекционеры и чётко формулируют задачу. Естественно, спешим на помощь.

— Но почему-то к сельскому хозяйству с годами всё больше вопросов, проблем не уменьшается, хотя, кажется, немалые средства вкладываются. Наверное, что-то главное упускается?

— Причин я могу назвать вам множество, и объективных и субъективных. И всё-таки зачастую всё упирается в отсутствие необходимой суммы денег. Сельское хозяйство, подверженное влиянию всевозможных природных катаклизмов, ещё и очень затратная область. Техника, горючее, дороги, удобрения и т.д. и т.п. На тридцать миллионов гектаров сократились за последние годы площади под сельскохозяйственные культуры в РФ. Не хватает того, другого, третьего. Азотных удобрений вносится примерно один килограмм на гектар — как в 1914 году. Дорогие очень нынче удобрения. А паритета цен на сельскохозяйственную и химическую (да, и вообще промышленную) продукцию нет. Вот и занимаются генетики и селекционеры созданием дуракоустойчивых сортов.

— Это как понимать?

— Чтобы посеять, и всё росло само по себе — без применения даже минимальной агро-

техники, без удобрений, без всякой дополнительной обработки. Но чудес не бывает, к сожалению. При минимальном уходе и урожае минимальный. Закон сохранения: из ничего ничего и не появится. Хотя, пшеницы сами могут накапливать в почве связанный азот за счёт ассоциативной азотфиксации. Но на этот признак селекция у нас никогда не велась, т.к. мы были богатыми и производили минеральные удобрения практически в достаточном для сельскохозяйственного производства количестве.

— А фермерские хозяйства не спасут положения?

— Не тот масштаб, да и сил у них не хватит. Фермер не может позволить себе затратную технику типа комбайна (который работает не более двух-трех месяцев в году) и ещё много чего для нормального хода процесса: вовремя купить горючее, отремонтировать трактор. У кемеровчан, к примеру, денег больше, чем в нашей области, так и сельское хозяйство развивается интенсивнее. В Тюменской области — тоже. И вообще в мире стремятся к укрупнению хозяйств, а мы — в XIX век. Так, в США за последнее столетие число фермерских хозяйств сократилось втрое, их средний размер превысил 200 га, при этом около 80 % производства сельскохозяйственной продукции оказалось сосредоточено в 8 % крупнейших хозяйств с площадью от 1500 га и выше. А фермеры типа наших там нужны только для производства экологически чистой продукции, и чтобы безработицы в сельской местности не было.

— А те 30 процентов сельскохозяйственных земель, выведенных из оборота, когда-нибудь смогут вернуться к нормальной жизни?

— Для этого потребуются специальная техника, добрая воля и много денег — почти за два десятилетия все бывшие поля крепко заросли, уже и молодые деревья на них зеленеют. Предстоит все деревья и кустарники, где это ещё возможно, выкорчевать, а корневищные сорняки вычесывать. Сейчас в Сибирском НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства СО РАСХН (бывшего) активно занимаются этой проблемой, создавая вместо плугов вычесыватели корневой и корневищ.

— Вы сотрудничаете с коллегами?

— Обязательно.

— И всё-таки, Николай Петрович, что может помочь нашему многократно пострадавшему сельскому хозяйству?

— Как-то так повелось со времён первого библейского земледельца Каина: «Прокляты от земли». Хотя всем кушать хочется. Однако пока власть не поймёт, что нефть, золото — это не богатство, богатство — это еда (пища). Разнообразие пищи базируется на естественном биоразнообразии: пропадёт образец, сорт, вид, и его больше никто никогда не восстановит. Виды вымирают безвозвратно, сорта исчезают бесследно. А нам в недалёком будущем или нашим потомкам, если мы только это вовремя не соберём и не сохраним в генбанках или рабочих коллекциях, для полного счастья чего-нибудь уникального не хватит...

Л. Юдина, «НВС»

Испытание Севером

(Окончание. Начало на стр. 4)

Говоря о Ю.С. Уржумцеве как об учёном и организаторе науки, было бы неправильным не сказать о его жене и друге — Евгении Ивановне Уржумцевой. Во время Великой Отечественной войны в подростковом возрасте её эвакуировали на подводной лодке из окружённого с суши Севастополя. Смелая, добрая, энергичная, обладающая оптимизмом, Евгения Ивановна была незаменимым помощником в жизни Юрию Степановичу. Семейный переезд из Якутии в Ригу, а затем из Риги в Якутию, решение квартирных проблем в нестабильные годы жизни России и недрожественное отношение руководства Латвии к русскоязычному населению не подорвали оптимизма Евгении Ивановны.

Все свои достижения, научную карьеру и трудовые успехи, все свои успехи Юрий Степанович связывал с ежедневной поддержкой и творческим соучастием своей жены. Она — человек энергичный, трудолюбивый и инициативный — охотно помогала ему во всех организационных мероприятиях, создавала в семье Уржумцевых её неповторимую атмосферу гостеприимства и духов-

ного комфорта. Юрий Степанович и Евгения Ивановна всегда радушно и широко принимали гостей, вечера и праздники в их уютной квартире были пронизаны светом истинной любви и желанием сделать счастливыми своих гостей. За домашним столом Юрий Степанович находил моменты для сдержанного прибалтийского юмора, милых шуток и задушевных разговоров.

Мы очень признательны Е.И. Уржумцевой за постоянную заботу и претворение в жизнь прогрессивных проектов, направленных на развитие науки в РС(Я). Сейчас, проживая в г. Москве, она не теряет связей с коллегами и друзьями из Якутии. Евгения Ивановна ведёт бескорыстную общественную работу среди земляков-якутян, по мере своих возможностей активно участвует во всех мероприятиях, связанных с развитием Якутии.

Ю.С. Уржумцев входил в состав национального комитета РФ по механике, Отделения энергетике, машиностроению, механике и процессов управления РАН, в редакцию журналов «Механика композитов», «Наука и образование».

Им опубликовано более 180 научных тру-

дов, в том числе шесть монографий, учебные пособия, запатентовано два изобретения.

Он лауреат премии им. Ф.А. Цандера АН Латвийской ССР, Заслуженный деятель науки Якутской АССР (1986), Заслуженный ветеран СО РАН (2002), награждён орденом Трудового Красного Знамени (1971), медалями «За доблестный труд» (1970), «Ветеран труда» (1987), Почётными грамотами Президиума ВС Латвийской ССР (1976, 1979 гг.), Грамотой Президента РС (Я) (1999).

Юрий Степанович Уржумцев скончался после продолжительной болезни 30 декабря 2002 года и похоронен на Троекуровском кладбище г. Москвы.

В нашей памяти Юрий Степанович навсегда останется порядочным и добрым человеком. А в наших сердцах останутся его исключительная деликатность, высокая культура, истинная интеллигентность и непрекращаемый нравственный авторитет.

P.S. В статье использованы материалы воспоминаний коллег и друзей.

М. П. Лебедев, чл.-корр. РАН, председатель Президиума ЯНЦ СО РАН, директор ИФПС СО РАН